

ЧАСТНАЯ КЛИНИКА

1

День не задался с самого утра. И все из-за бессонной ночи. Этой ночью Катерине Мельниковой вдруг пришла в голову совершенно сумасшедшая мысль: а правильно ли она живет? Ради чего весь этот бешеный ритм? Дом — работа, работа — дом. Что в доме? Ничего. Вернее, в доме — вечно голодная, но очень гордая Эсмеральда. То есть нельзя, конечно, сказать, что совсем ничего — но, наверное, все-таки маловато для почти сорокалетней женщины с приличным достатком, высшим образованием и достойной работой.

Катерина твердо решила: нужно что-то менять.

Только вот что? Дом? Нет, это невозможно. Работу? Работу свою Катерина любила. Работа — это вообще вся жизнь. Себя, что ли, поменять... Только как же ее — себя — поменять-то? Все ясно! Нужно изменить гардероб! Решение, конечно, пришло в голову немножко женское, Катерине не свойственное. У нее работа мужская и весь жизненный уклад аскетичный. Но решила же меняться! В конце концов! Сколько ей лет, и почему она так рано за-

писала себя в старухи или вот в непонятное существо среднего пола, модное название — «уни»... Только это впрямь удобно: напяливаешь на себя, что первое под руку подвернулось, — и вперед.

Сколько можно ходить в брюках? Есть же и юбки, и платья! И даже в гардеробе у Катерины. Женщина силилась вспомнить, какие именно, перебирала в голове полки слева направо и снизу вверх, и тем самым сон уходил все дальше и дальше. А новые идеи прочно поселялись в распухшей голове.

Вот надену сегодня платье! Или, может быть, для начала просто шелковую блузку с вязанным жилетом — и все-таки оставить брюки? Нет-нет, никаких компромиссов, решила — значит, решила. И даже юбка — это тоже полумера. Пусть будет платье. Хотя бы то, трикотажное, которое привезла из поездки по Германии. Ведь полдня ходила по магазинам, набрала себе кучу барахла. И платья, и туфли на каблуках, и страшно модные ботфорты. Что из этого она хотя бы один раз надела? Сиреневое платье в театр? Да-да.

Платье ей шло, и она сама это видела. Только что с того? Со спектаклем не повезло, и она обвинила во всем платье — типа, принесло несчастье. Запихнула его комком в дальний угол. И при чем здесь театр? Да и, собственно, платье ни при чем... Просто в театр Катерина должна была пойти не одна, а с молодым человеком. Очередная попытка очень деятельной тетки ее с кем-нибудь познакомить. Родители давно махнули рукой, а тетка все старалась, все изыскивала очередные варианты.

— Мальчик из очень хорошей семьи.

— Мальчик из очень обеспеченной семьи.

— Ну, конечно, не принц, но и мы не королевских кровей.

Вариантов становилось все меньше, мальчики лысели и толстели. Но тетка не сдавалась. Почему этот молодой и «очень перспективный» так и не объявился, никто в итоге не понял. Тетка потом что-то мычала, мол, так сложилось. На что Катерина рявкнула: «Все! Больше никогда ни с кем знакомиться не пойду! Не дождетесь! Сами не позорьтесь и меня не позорьте!»

Она ждала на холоде «свою судьбу» минут двадцать. Вбежала в театр последняя, в темном зале, спотыкаясь, пробиравась через чужие ботинки и слушала недовольное шиканье: «Раньше нужно приходиться, в театр все-таки собрались!» Какое тут может быть настроение?!

Но Катерина себе почему-то внушила, что он, этот судьбоносный жених, все же приходил, оценил ее издалека и решил не окликать. Не вышла Катерина рожей или каким другим местом — это ж теперь не проверишь, спросить-то не у кого. Вот и швырнула платье куда подальше, чтобы не вспоминать про позор. Хотя опять же, при чем тут платье?! Она же в дубленке была! И в шапке! Может, ему шапка не понравилась?

Ну ладно, не будем надевать то сиреневое. Или оно все же фиолетовое? С цветами у Катерины всегда не очень складывалось. Возьмем серое! И цвет модный, и все-таки не такое броское. Нельзя же вот так сразу меняться. Нужно как-то потихоньку.

И не важно, что на работе придется сразу переодеться. И сменить любой, самый красивый наряд на накрахмаленный белый костюм врача — Катерина работала в больнице. Пожалуй, терапевты еще могут позволить себе надеть

халат поверх юбки с блузкой, хотя это и не очень удобно. Встал, сел, послушал больного, помял ему живот. Согнулся, разогнулся. Все эти манипуляции лучше проделывать просто в халате, надетом на тонкую маечку, чтобы движения не сковывались, чтобы доктор чувствовал себя комфортно. Да и касается это все равно только терапевтов, педиатров — иными словами, докторов, работающих в поликлиниках.

У хирургов по-другому. Никакой юбки и никакой маечки. Пришел в больницу — и все свое оставил за бортом. Кстати, удобно: у врача не должно быть ничего личного. Только работа. Сосредоточился — и вперед. Одежду снимаешь с себя вместе с настроением, заботами, неприятностями. Так и Катерина: заместила свою личную жизнь — этой, больничной. И, когда надевала свой хирургический костюм, чувствовала себя красивой, уверенной в себе женщиной. Или все же уверенным в себе врачом? Разница. А когда переодевалась после работы, мысль одна: скорее добежать до дома. И плюхнуться в кресло. И чтобы сразу Эсмеральда легла на колени. И тихо задремать с пультом от телевизора в руке. Что это? Почему?

Катерина чувствовала: в последнее время она распустилась окончательно. Да, приходится рано вставать да далеко ехать. Но в конце концов ей еще нет и сорока. В наши времена такой возраст для женщины далеко не закат, а, можно сказать, расцвет! А она как влезла в одни джинсы, практически мужские ботинки и всесезонную куртку, так и бегаёт в этом наряде круглый год. Прямо как елка, которая и зимой, и летом. Неправильно это. Ну и что, что удобно, что никто на нее в транспорте внимания не обращает? А для себя?

Про «себя» Катерина понимала не очень. То, что покупалось, все время было для кого-то. Для себя — джинсы и майки, а все эти платья-каблуки — если вдруг надо будет кого-то покорить. И прямо-таки шоком и откровением прозвучали для нее слова известной певицы Ирины Понаровской. Певица рассуждала на тему нижнего белья. Покупается-де оно совсем даже не для свиданий определенного толка, а исключительно для себя, любимой. Мол, женщина чувствует себя совершенно по-другому, если на ней белье надето, купленное за много долларов.

Лично Катерина будет всегда думать про эти самые доллары и про то, сколько всего можно было бы на них купить. Кроме того, газовые вставки противно врезаются в тело и натирают в самых неожиданных местах, а белье все равно никто не видит. На свидания Катерина ходит редко, живет в квартире с кошкой, так что стиль «уни-секс» и впрямь для нее самый комфортный.

Но сегодняшней ночью вновь вдруг закралась в голову мысль — измениться. Почему она до сих пор одна, почему работа съедает все свободное время, а кошка заменяет семью? Наверное, все-таки виновата сама Катерина. Нужно что-то предпринимать. Других все равно не изменишь, изменимся для начала самостоятельно!

Правильные и позитивные мысли, однако, долго не давали уснуть. Катерина ворочалась и вертелась, продумывая костюм на следующий день. Вспомнила даже про шейный платок, сапоги на каблуках, купленные по случаю на распродаже, и длинную дубленку, подаренную родителями на прошлый Новый год. Сколько раз она ее надевала? От силы раза два. Последний раз — в тот самый злополучный театр.

Все, не будем винить ни дубленку, ни платье, вот прямо завтра и оденемся красиво. Да и родители наконец порадуются, увидев дочь в своем подарке. Уже устала отвечать на вздохи мамы: «Опять в этом малахае. Есть же приличная вещь!»

Да, даже мама, заикленная исключительно на себе, и та замечала, что Катерина выглядит не на все сто. А скорее, тянет от силы на десять, если мерить по процентной шкале.

Все, меняемся! Комплект для выхода на работу в голове определен, и Катерине наконец удалось уснуть.

2

Звук будильника раздался неожиданно. Катерина едва оторвала голову от подушки и никак не могла окончательно проснуться. Голова тяжелая, глаза заплывшие, открываются с трудом, настроения — ноль! Тем не менее решила не отступать от намеченного плана и начала наспех одеваться.

Как итог — две пары порванных новых колготок, заевшая молния на сапогах и оторванная пуговица на дубленке. Чертыхаясь, на работу опять поехала в старых джинсах. На конференцию практически опоздала, влетела, когда уже выступал главный врач. Главный хмуро посмотрел на Мельникову (еще бы, он уже почти итоги подводит, а она только явилась!), кивнул и опять продолжил разбирать сложный случай в отделении.

Конференции всегда проходили по одному и тому же заведенному алгоритму — отчитывались заведения-

ми, и всегда начинали с приемного покоя. Как правило, голые цифры: сколько больных поступило, в какие отделения, сколько операций сделано, сколько осложнений, сколько пациентов выписано. Главный врач традиционно выступал последним, высказывал свое мнение. Как правило, говорил конструктивно, только по делу.

Катерина, пригнувшись, прокралась на свободный стул. Со своего места неодобрительно покачал головой Леша Зайцев, подмигнул Женя Федоров. Да, друзья на месте. А Влад? Неужели тоже опоздал?

Молодой человек тихонько толкнул женщину в бок. Катерина аж вздрогнула от неожиданности.

— Влад, а я тебя и не заметила.

— Ну спасибо тебе, удружила, — прошипел он сквозь зубы.

— Чего ты? — Катерина покосилась в сторону молодого доктора. Вид у того был не особенно свежий.

Господи, да просто день такой! Бури какие-то, не иначе. Вон и главный врач, Геннадий Иванович, весь опухший, но с ним-то все ясно — принял вчера, видать, за воротник. Он у них на это дело очень даже способный. Сегодня у нас что, четверг? Ну вот, все правильно! Отметил, стало быть, середину недели, поэтому и не в духе. Четверг и понедельник — дни, когда всем и всегда влетало от Главного. Народ в клинике уже привык и внимания особо не обращал. Спасение — не спорить и со всем соглашаться. А к обеду, как правило, настроение у Геннадия Ивановича улучшалось — отпускало. Или опохмелялся.

Сама Катерина, правда, вчера ничего не принимала, да и спать легла вовремя. И что? В два часа ночи проснулась — и ни туда и ни сюда. Нашла время, когда о своей

жизни переживать! Вон, до работы добирается каждый день полтора часа, вот тогда бы и думала. Ночь для того, чтобы спать. А лучше еще и выспаться. В конце концов, она — доктор. И сегодня по плану — резектоскопия. Операция предполагается не очень простая. Вот про что нужно было думать!

Нет же, практически всю ночь ворочалась, планы на будущее строила, прошлое вспоминала, даже имидж решила сменить. Правда, из этого опять ничего не вышло. В пять уснула, а в шесть, как всегда, ее разбудил вредный будильник. Легкий макияж не помог.

Катерина давно поняла: если выглядишь плохо, никакая косметика не спасет, уж лучше вообще не краситься. Так хоть страшная и страшная. А если на тебе еще и тонна макияжа, то все подумают, ты уж что-то совсем неприлично закрашиваешь, а не просто припухшие глаза.

Что Влад на нее кидается — тоже встал не с той ноги? Вроде в праздновании середины недели, как Главный, замечен не был. Она повернула к нему голову и кивнула незаметно, мол, ты чего? Обострение геморроя? Влад в ответ сделал страшные глаза. И тут Катерина сообразила. Значит, вчера встречался с Лизкой. Вот это да! Она была уверена, что встреча должна состояться в субботу. Чего это он среди недели поперся? Ну, дела! И чего, неужто Лизка его отшила? Катерина же провела с подругой предварительную беседу.

Влад строил рожи, Катерина разводила руками. Главный постоянно косился на них. Лучше его сегодня не раздражать и сделать заинтересованное лицо. Разберемся. Хотя неприятный холодок поселился у Мельниковой в груди. И дернул ее черт рассказать Владу про свою подружку! А он

сразу: «Познакомь, мне нужна девушка представительской внешности для эскорта». Ну, типа, шуточки у него такие.

Все про него Катерина знала. Вдоль и поперек. Лет — тридцатник, весь такой избалованный, из профессорской семьи. Папа — завкафедрой Первого меда, мама — лор-врач. И, конечно, своему мальчику, единственному и любимому, прокладывали они только одну дорогу — дорогу врача. Сначала учили под папиным крылом, потом устроили в больницу уже под мамино крыло и в итоге выпустили в свободную жизнь к другу семьи и главному врачу частной клиники. А иначе в наше время врачом не стать. Надо отдать должное — Влад оказался неплохим хирургом. Не так чтоб жизнь ради пациента отдать мог, но справлялся со своей работой профессионально. Особенно под неусыпным оком кандидата медицинских наук Алексея Зайцева.

Таких, как Катерина — чтобы по призванию да по порыву сердца, — не осталось. Это она, как дурочка, поступала четыре года подряд. И каждый год получала пару на последнем экзамене. Причем каждый год этот экзамен оказывался другим. Давала же ей жизнь подсказки: нечего переть напролом. Не твое. Не будешь ты тут счастлива. Нет, вбила себе в голову и шла к своей цели. И санитаркой работала, и лаборанткой. Но добилась своего. Стала-таки врачом, причем не каким-нибудь терапевтом, а практикующим хирургом. Вопреки всем знакам!

Научилась пить водку, курить и ругаться матом, закрывать глаза на то, что врачи на дежурствах спят с медсестрами. Могли бы и с ней спать, только она до этого не опускалась: все-таки верила в большое и светлое чувство. А вдруг оно где-то есть? И не нужно его делить с законной женой. К сожалению, такой опыт был и за плечами Катерины. Что

это, медицинский крест? В смысле, крест жизненный или простота взглядов? Или просто Катерине не везло? Что греха таить — ей тоже хотелось замуж. Только коллеги-врачи были все поголовно женаты, да еще и содержали по медсестре, порой и с собственными отпрысками. Врачи, особенно хирурги — то есть те, с кем в основном и общалась Катерина Мельникова, — были народ особый.

Катерина посмотрела по сторонам. Ну просто не на ком взгляд остановить. То есть внешне — один другого лучше. И высоченные все, как на подбор, и с чувством юмора, да и доктора хорошие. Но что касается личных отношений — циники и пошляки. И святого для них ничего не осталось. Почему? Другая сторона тяжелой профессии?

Хотя. Вон Женька Федоров, допустим. Он — исключение из правил. Рассказывает о жене с любовью, все время на перерывах в ординаторской по телефону с турагентствами отдых семейный планирует. Эти телефонные звонки Катерину удивляют: почему жена не звонит, она же вроде не работает? Вот и дозванивалась бы. Или, может, Женька ей денег не дает, а сам подешевле выбирает? Как раз недавно у нее спрашивал:

— Катерин, не знаешь, как там во Вьетнаме?

— Ты же знаешь, я только в Турцию езжу. Но, наверное, круто во Вьетнаме! Вьетнамки маленькие, бегают быстро-быстро!

— Катерина, меня вьетнамки не интересуют, я тебе не Влад. Слушай, а ведь жена может неладное заподозрить, ты как думаешь? Может, лучше в Египет махнуть?

— В Египте — жара. Ты сам все, Федоров, знаешь, и не надо сейчас тут прикидываться и про вьетнамок пургу нести. Решил ехать в Египет — поезжай. Почему тебе

все время нужно на чье-то мнение опереться? — Женщина и впрямь недоумевала.

— А потому, что так я сомневался, а вот посмотрел в твои выразительные глаза, сам с собой посоветовался и решил. На фига мне этот Вьетнам? От этих быстрых вьетнамок убегать? А так в Египте ляжешь и лежишь себе. В жару-то не побегаешь сильно! И отдыхаешь себе. — Женька поднял глаза в очках к потолку и проговорил тихо: — И недорого!

Вот тоже жук. Конечно, главное — это чтоб недорого. Но уролог он классный, мужики к нему со всей Москвы едут. Только Женька в коридоре появляется, все враз встают, кланяются. Федоров, правда, тоже со всеми за руку поздоровается, по плечу погладит, успокаивающе кивнет. И мужики те, как дети, получившие наконец заветную конфетку, — после тихо так и умиротворенно сидят, дожидаясь своей очереди: он поможет, он — царь и бог!

Ведь есть же у Женьки и на Вьетнам деньги, и на Рио-де-Жанейро. Характер у него мухоморный... или все же — жуткая врачебная усталость? Тоже ведь пахнет без прерыва на обед, принимает всех — и по записи, и без записи.

Катерина знала по себе: она могла отдыхать только лежа и тихо-тихо. И чтоб ни экскурсий, ни развлечений. Спать и читать.

Женщина никак не могла сосредоточиться на конференции. Голова тяжелая, еще и Влад никак не успокоится, бросает на нее угрюмые взгляды. Нет, ну она-то, собственно, при чем? Вот не делай людям добра...

— Мельникова, зайди сейчас ко мне, — издали доносился голос Главного.

— Да, Геннадий Иванович. Я заявку с собой захвачу?